

В воспоминаниях Бориса Черных о жизни в Иркутске, 90-е годы, 78-е

ЧИСТАЯ ЛАМПАДА

Прикасаясь к большому явлению в Искусстве, каждый должен давать себе отчет, имеет ли он право на прикосновение.

Один пил вино с художником и теперь имеет право сказать: «Мы пили вино высокими стаканами». Высокое вино.

Другой катался в лодке с художником.

Третий однажды на премьере видел автора, забрасываемого белыми цветами...

Я не был другом Александра Вампилова. Больше того, мы были иногда в антагонизме, ибо Вампилов не понимал, как это человек, вооруженный опытом прошлого, сохраняет веру в некое переустройство общества на нравственных началах.

Воспоминания мои будут субъективными.

Однажды в майский день мы вынесли стулья из редакции «Советской молодежи»¹ и, встав на них, ждали явления народу Фиделя Кастро Рус. Мы — это электрик Владимир Яналов, прораб Зоя Пшеорская, плотники Виктор Грошев и Александр Крымский. Было тепло. Кубинские и наши флаги трепетали над карнизами домов.

Толпа неистово взликовала, когда машина с Анастасом Микояном и Фиделем Кастро покатила на нас. И Александр Вампилов сказал:

— Массовое действо. Пора бросать чепчики.

Правда,

Кричали женщины: ура!

И в воздух чепчики бросали!

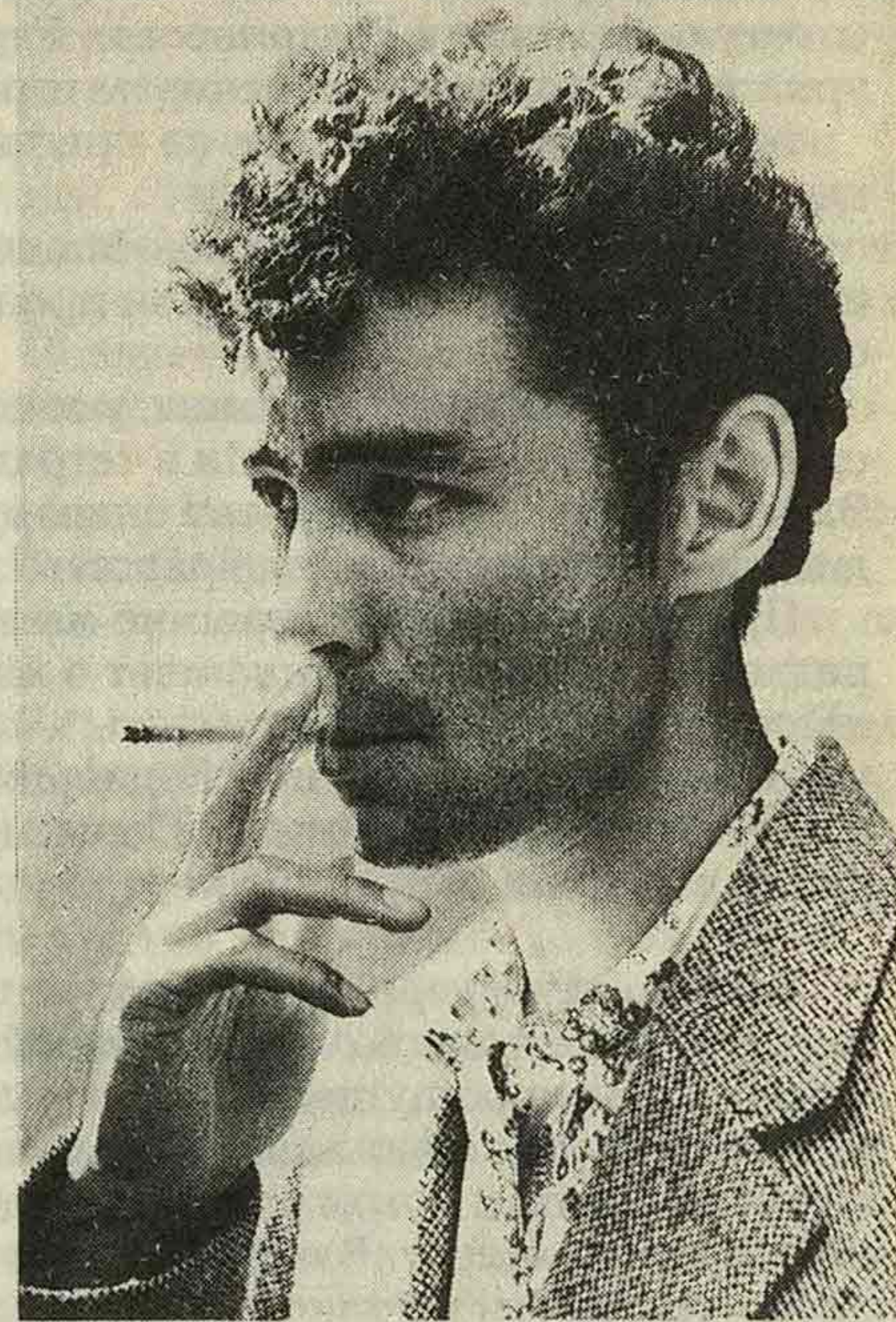
На четвертом курсе в университетской газете я печатаю рассказ «Юнкер Карецкий». Меня интересует эволюция юнкерского мятежа в Иркутске.

Со мною знакомится Александр Вампилов, я приглядываюсь к нему — смуглый полуизможденный парень в сером пиджаке. Он курит сигарету и скупно хвалит меня, или не меня, а юнкера Карецкого.

В январе глубоко личные переживания продиктовали этюд «Люся выходит замуж». Хочу напечатать его в молодежной газете, но девицы (тогда было много эмансипированных девиц в редакции) восстают. Меня выручает Вампилов. Он появляется в дверях, когда я готовлюсь назвать девиц дрянью. Он читает этюд, мы выходим в коридор. Он снова хвалит меня, на сей раз меня, называя этюд стихотворением в прозе.

Знакомство состоялось и окрепло. 27 февраля 1961 года запись в дневнике: «Вампилов-Санин. «Феодал с гитарой». Чувство языка. Смеялся. Феодал с гитарой... Сцены из нерыцарских времен».

Когда возникло в Иркутске творческое объединение молодых и Александр Вампилов предложил мне поставить на обсуждение мои рассказы, я ответил отказом: претила обстановка в объединении. Там готовились и росли художники, они говорили о запахах, о цветах, о нюансах, о характере. Я не понимал художнического поиска, начатого Вампиловым.

«Стечение обстоятельств», тонкая и довольно смешная книжка, обещала поверхностного сатирика. Рассказы «Тополя» и «Станция Тайшет» казались вторичными. Увы, я торопился с выводами.

Август 1962 года был для меня горячим, как в прифронтовой полосе. Я избран секретарем комитета ВЛКСМ строительства Байкальского целлюлозного завода: у меня 19 первичных организаций, промбаза, микрорайон будущего города. Я изучаю строительство пешком, езжу на дежурных машинах. Солнце жарит дороги, пыль забивает легкие, а возле управления строительства тишина — березовая роща водит хоровод, в кабинах спят шоферы. Ветра нет, но благодатная лесная тень спасает от жары.

Я иду от столбовой дороги к конторе, по тропе навстречу мне двигаются парень и девушка. Она светловолосая и вся в белом. Он тоже в белой рубашке, пиджак через плечо перекинут — Саня Вампилов.

Пасхальная эта картинка до сих пор перед глазами. В березовой роще сквозит солнце. Тишина. И идут двое, стройные и юные.

Мы здороваемся и садимся на поваленное дерево. И спрашивает Вампилов:

— Ну, как твои, Боря, потешные полки?

Я ищу спасения в диалектических связях: потешные солдаты Петра, потом гвардия Преображенского и Семеновского полков, костяк армии и лоно вольнодумства. Каре на Сенатской площади.

Я отвечаю оптимистично:

— Потешные полки дерутся.

— Во славу уничтожения Байкала?

— Почему же — возрождения! Мы возродим жизнь на его берегах, построим дома и цеха. Мы позовем художников, чтобы достойно отобразить бодрую жизнь на этой земле...

— А источник вы сохраните? — Он даже не спрашивает, а констатирует.

Я молчу. Мне кажутся странными суждения пришельца в белом.

— Мы ищем пристанище — пожить, подышать озоном, — говорит Вампилов, разряжая неловкую паузу. И девушка Люся робко улыбается.

¹ Иркутская областная газета.

А мне чудится упрек: напоследок, пока цел источник, приехал он сюда с подругой. Холодно советую им ехать в Выдрино или Утулик: там патриархальная тишина и по вечерам играет гармошка.

Мы раскланиваемся, но на прощание Вампилов вдруг просит миролюбиво:

— Ты в тетрадь пиши свою эпопею. — «Эпопея» произносится с той дозировкой иронии, на которую он был мастер.

Проходят недели и месяцы, у меня открываются постепенно глаза. «Пиши в тетрадь эпопею»... Зачем писать? Как документ близорукости? Как дневник современника, избравшего торную дорогу?

Противоречия, обуревавшие меня, я плохо передаю в очерке «Пронин думает о жизни». Вампилов хвалит очерк. Я пытаюсь узнать — за что хвалит? Оказывается, всего лишь за один абзац, вот он:

«Ночью случилась гроза. Серые наросты ворон опали с криком, и пришло лето...»

В 1963 году я вернулся в Иркутск и стал работать в обкоме комсомола. Уже в Байкальске поиски концепции мироощущения поставили меня в положение одинокого лыжника. Будто я вышел вместе с соратниками, а потом ушел вперед (или отстал?) и заблудился в лесу. В обкоме одиночество усугубилось и вылилось в полное почти отшельничество...

Диковинная это была эпоха. Борьба с абстракционизмом и вызов тоталитарному режиму в Китае, разоблачение преступлений культа личности Сталина и догматизм, проникавший во все поры государственного организма.

Меня интересовала гласная оппозиция догматизму. Хорошим инструментом в достижении этой цели было творческое объединение (ТОМ), но оно оказалось разгромленным.

Я отдавал себе отчет, что истинным вождем молодого Иркутска был Вампилов. Я нашел его.

Вампилов сказал:

— Надо найти лояльную почву для контактов с партийными руководителями.

Формулировка «лояльная почва», явно политического оттенка, меня удивила, передо мной был другой Вампилов, зрелый муж, уже не юноша. Думаю, и он понял истинные причины моей заинтересованности в реорганизации ТОМа.

Смехотворна была первая реакция секретарей обкома на предложение восстановить ТОМ, больше того — конституировать его решением бюро обкома. Степаненко в кабинете шепотом произносил имя писателя Юлия Файбышенко, у Гетманского в глазах темнело, когда он говорил об «этих демагогах-писателях»¹. Вот я сказал — смешно. А и печально: как легко мы делаем «врагов» из нашей интеллигенции... На мое предложение секретари ответили тяжким покачиванием головой. Пришлось прибегнуть к соображениям престижного порядка: «Если не мы, так сельский обком возьмет на себя руководство ТОМом», — и шпилька угодила в больное место.

ТОМ начал новый круг. Мы вошли в бюро; Шугаева, рвущегося на пост формального лидера, избрали председателем. Скоро я понял, что Вячеславу Шугаеву фирма ТОМ требуется для рекламы и самоутверждения. Если Вампилов мечтал о творческом обсуждении писательского ремесла и искусства и — да! — пропаганде наших взглядов, иные этого не хотели, а может быть, и не были способны на это: красноречия, гениальной памяти

¹ Анатолий Иванович Степаненко — первый секретарь промышленного обкома, затем высокопоставленный работник КГБ. Борис Алексеевич Гетманский — второй секретарь обкома комсомола, затем партийный работник.

Юлия Файбышенко явно не хватало для создания подобающей атмосферы.

Но несколько событийных вечеров состоялось. Помню аргументированный разгром антихудожественного «творения» Леонида Ханбекова; автор навсегда оставил худое перо, отдавшись административной карьере².

Вампилов принимал во всем равное участие. По его совету я написал статью, в которой критиковал заведомую литературность рассказов Бориса Лапина; и тут далеко вперед видел Саша. Несколько лет спустя на Читинском семинаре окончательный разгром Б. Лапину устроит бескомпромиссный Виктор Петрович Астафьев.

Но отыскивались противники и у Саши. Цензура с благословения Е. Н. Антипина, секретаря обкома партии, сняла в газете сцену из его пьесы, и Вампилов узнал, что в декабре на областной конференции «Молодость, творчество, современность» его собираются критиковать весьма сурово — «в назидание»...

— А это, как ты понимаешь, вовсе ни к чему мне нынче, — выстраданно говорил он, придя в обком комсомола.

Опасения оказались ненапрасными.

Писать доклад поручили мне. Я написал его либерально, теоретизируя, поощряя творчество молодых. Примеры (доклад без примеров не доклад) отыскал самые положительные. Но доклад мой секретари обкома забраковали: в нем не было четкой «классовой позиции», то есть зубодробительной критики.

В неумелые руки взял перо Борис Гетманский и написал свой вариант доклада, наштамповав его цитатами и суровым морализаторством³. В качестве козла отпущения был избран... Вампилов. Я уговорил (стыдно, но надо признаться в этом) заменить Вампилова прозаиком Альбертом Гурулевым. Гурулев напечатал в «Советской молодежи» рассказ «Ель», вкусный эскиз об одинокой старухе. Вот я и предложил раскритиковать Гурулева «за мотивы печали», «за уход от героической действительности»... Чего не сделаешь во имя спасения Александра Вампилова?! Мое предложение приняли. Драматург наш приободрился, а Гурулев недолго был озадачен, потом сказал с горечью:

— Все же хоть такое, но внимание.

Я казнил себя, но молчал. Теперь я прошу прощения у писателя Гурулева.

После обкома я редко видел Вампилова. Собственные мои переживания в эти годы так уплотнены, что я не решаюсь всегда точно датировать встречи и беседы с ним.

Помню маленькую заметку за его подписью. Вампилов пишет о фильме Козинцева: «Гамлет — откровенный тираноборец, и эта трансформация героя поучительна и актуальна. Резонер и нерешительный человек бросает вызов силам зла...» Цитирую по памяти и думаю, что заметка была опубликована после 1964 года.

Кажется, в это же время Игнатий Дворецкий читал в Союзе писателей свою пьесу «Мост и скрипка». После чтения кто-то посетовал: милиционер в пьесе показан неблагополучным. Тотчас поднял руку Вампилов и оспорил это мнение. «Движение

² Но первые шаги графоману помог сделать Франц Таурин, тот самый, что исполнил заказ Сулова и К° и, будучи секретарем правления Союза писателей РСФСР, организационно оформил исключение из Союза писателей Александра Исаевича Солженицына.

³ Когда я узнал, что на конференцию приехали Александр Межиров и Владимир Корнилов, я сгорал от стыда за обком, но ничего изменить не мог.

характера, — говорил он, — предполагает именно такого героя, и сглаживать характер не следует». Позиция Вампилова — хоть штрихом сохранить дыхание жизни — примечательна.

Зима на перепаде в 1965 год. Вампилов и Шугаев возвращаются из Москвы.

— Француз Рекомболь считает, что твой (мой! — **Б. Ч.**) Ленин придумал революцию. Сидел в лондонской библиотеке и думал: «А не сделать ли и в России революцию, мероприятие презабавное». — Он говорит шаржированно, отстраненно и даже имя француза явно выдумал, но ему любопытна моя реакция.

Удачна ли поездка в Москву?

— Ты тут локти обдираешь, а они курицу едят, — безадресно и поэтому непонятно.

Видели Твардовского и говорили с ним. Неужто и Твардовский «курицу ест»?

— Мужик ничего... А вот Липатов пьет водку и икрой заедает. Но по какому праву? По праву клоуна...

Нет, Вампилов не в духе. Но тема «Твардовский и «Новый мир», прочно считая великолепным языком Вампилова, стала на много дней главной в журналистском и писательском мире Иркутска.

Оказывается, при всей своей величественности Твардовский всерьез говорил с молодыми литераторами из Сибири. Мы все узнавали о нем из первых рук, впитывая сочный и грубый юмор и непробиваемую мощь его логики. Как он курит, как молчит, как афористично высказывается; как даже пьет вино — по полному праву: классик и вождь демократической России. Журнал Твардовского сделался духовным руководителем настолько, что печатание Преловским стихов в «Октябре» (у Кочетова) воспринималось как ренегатство.

Разговор о поэзии. Вампилов хвалит стихи в «Совмолодежи» Юрия Артюхова и Славы Эпельштейна, вспоминает Блока, спрашивает, что люблю у Блока. Слушает. Потом читает:

*Похоронят, зароят глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далеко, высоко
На земле где-то дождик идет...*

Читает безыскусно, но в безыскусности — душа ранимая.

На два часа я получаю пьесу «Прощание в июне» и, сидя в редакции, читаю. Вампилов ждет, что я скажу. Пленительное свойство у Вампилова — он хочет знать мнение своего товарища, он доверяется на мгновение, но доверяется полно.

— Пьеса написана мастером, — говорю я Александру. — Можно поздравить тебя.

— Не врешь? — Он пытливо смотрит в глаза. — Впрочем, ты ведь никогда не врешь, опасный ты человек.

— Только странно, — говорю я.

— Что странно?

— Очищение Колесова с привкусом авторской заданности странно.

— Говори, говори!

— А я уже сказал. Привкус есть. Но пьеса совершенна.

— Ничего себе — совершенна. Нахал! В штатском!

— Да мне показалось. Что же поделаешь?

— Ну, нахал. — Он качает кудрявой головой, и мне жаль, что я огорчил его.

Дважды мы сходились, чтобы говорить. Мои экстремистские речи не нравились ему — в них преобладало политическое направление, а он, как не раз передавали мне, надеялся, что я засяду за

стол. Эта его вера нашла трогательное подтверждение в таком факте. Однажды мы из редакционных столов стали переносить в библиотеку всякий хлам — в связи с ремонтом, что ли — и в столе обнаружили целое хранилище Сани. Там были блокноты, книги, старые кирзовые сапоги, его рубашка. В этом собрании на глаза попала вырезка из районной газеты — то был мой давний рассказ «Кочевник». Позднее в журнале «Юность» я рассказал о человеке, послужившем прототипом кочевнику.

В одной из бесед Вампилов сердито ругал моего приятеля А. П-ва. Оказывается, в университете шла дискуссия о так называемой дегероизации литературы, и П-в, аспирант кафедры философии, ссылаясь на Ульяновых, говорил молодым: «Чем же Ленин не герой? Его не спрячешь, не снивелируешь. Он по самому большому счету герой, он советлив и честен, и литература это отразила...» и т. д.

Возражать против этого было бы опасно. И Вампилов решил, что прием, примененный П-вым, незаконен и двусмыслен.

Приступ черной меланхолии привел однажды Вампилова в редакцию, и одновременно пришла Ольга. Я уговорил его отослать Ольгу домой и пображничать. Он берет Ольгу под руку, ласково смотрит в ее красивое лицо и уводит по Киевской в тишину. Проходит час, он возвращается.

— Мы ждем дите, надо же понять Ольгу, — грустно говорит он, и мне становится стыдно за мое поведение. Но мы все равно едем за плотину, в скучнейший поселок ГЭС, к сестрам М. По дороге мы говорим не о жизни — о женщинах.

— Горько это, Боря... Говорила: «Я люблю тебя. Ты с другой, а я люблю тебя. Ты далеко — я люблю тебя. Ты приходи когда хочешь, хоть через пять лет, я тебя пожалею...» Пришел через год. Стучусь. В общежитии на Пятой Армии живет. Стучусь. Открывает: «Ах, Саня, что же ты не предупредил меня? Ну, проходи...» Прохожу. Сидит фраер на табуретке. И она уже любит его, а не меня! Глаза у нее виноватые. Я мнусь, потом говорю: «До свидания или прощайте, как угодно». У нее виноватые глаза, но она смотрит на парня, он ей дорог... Я ухожу. Иду и плачу. Была душа — вынули душу. Не любил я ее, но она жалела меня. И вот сидит парень...

Через час у Сани в руках гитара.

*Я на Верхней Охте квартирую.
Две сестры хозяйствуют в дому,
Самым первым в жизни поцалуем
Памятные сердцу моему...*

Семья, любимая жена, ожидание ребенка, и горечь измены Н., и прелестные глупые сестры...

Для ригориста, приверженца условной морали, ситуация фантастическая и опасная. Но чем лучше те, что умом постигли разврат, износились в партийном блюде, в словесном вожделении?..

Ни разу, однако, в разгульные часы и минуты я не замечал в Вампилове пошлости. Изящный в своих проявлениях, он был рыцарски великодушен не только к товарищам, но и к случайным знакомым; и только в крайних ситуациях раздражение прорывалось у него — но изысканно и тонко, и оттого остро и убийственно.

В нем не было произвола — вот что самое главное. Гармония личностных начал исключала произвол. Если он решался на приговор, то почти всегда взвешенно. Так он однажды не вытерпел менторский тон Р. и сделал ему едкое замечание, и Р. понял серьезность позиции Вампилова. В другом случае, помню, высмеял разгульное хлебосольство

Евгения Рапопорта, коим хозяин выдавал чрезмерные литературные претензии...

Анатолий Преловский после гибели Александра Валентиновича сетовал на некую странность, которая развела его с Вампиловым, а между тем достаточно знать тенденциозный и коварный характер Преловского, чтобы понять причину вампиловского раздражения. Мне пришлось слышать от Вампилова суровое суждение о старшем товарище по цеху: «Плохой, из рук вон драматург, но поэт старательный».

В 1970-м году я запомнил счастливого Вампилова. Каникулы в разгаре. Я приехал в Иркутск и зашел, как всегда, в колыбель нашу — в редакцию — и застал там Вампилова. С каким-то подобострастным человеком он читал статью в университетской газете — о премьерке «Старшего сына». Статья была написана в восторженном тоне, и подобострастный человек, очевидно, был ее автором. Вампилов поднялся навстречу мне, мы поздоровались. Разговор наш был недолгим, ибо я спешил к сыну, а Саня... Саня не спешил никуда, потому как только что вышла в свет «Утиная охота».

Он попросил у кого-то ручку и подписал последний экземпляр журнала. При этом смеялся, узнав, что Юлий Файбышенко на иркутян надел эполеты: Вампилову достались генеральские, Машкину — полковничьи. В этой табели я выбрал себе высшее кубинское звание — майор. Саня сочинил дарственную надпись:

«Боре Черных, майору, которого к моему удовольствию знавал еще старшиной, на добрую память. А. Вампилов. 8.1.70 г. Иркутск».

Весной 1972 года мы увиделись в Москве совершенно случайно. Иркутский историк И. С. Вахрушев и я пришли на Центральный телеграф, и в большом зале Александр Валентинович, желтый и небритый, потряс меня крепко за плечо. Я потерянно узнал его.

— Первая моя пьеса наконец-то пойдет — тьфу, тьфу! — в столице. Сижу, работаю. Надо кое-что выписать.

Мы обменялись телефонными номерами. Через день или два он позвонил под ночь:

— Ты, верно, звонил, а меня не было, мытарил, пришлось пить. А завтра окно, давай встретимся, лучше утром — никто не будет мешать.

Назавтра мы встретились в маленькой комнате гостиницы «Будапешт». Над столом у Сани висела афиша Ленинградского драмтеатра — «Два анекдота» в постановке Георгия Товстоногова. Вампилов-то написал «Провинциальные анекдоты»; но провинцию идеологи отменили, и название пьесы пришлось менять.

Мы сходили, не одеваясь, в кондитерскую, купили снэди. Саня попросил коридорного принести чай.

— Этот Юван Шесталов, что встретил нас у выхода, — великий национальный писатель. Однажды в тусклые минуты я подумал: «Провинциальный драматург Вампилов». А почему бы не стать национальным писателем? Бурятская кровь во мне течет? Течет... Покатилась бы жизнь, как у бога за пазухой... Теперь, слава богу, это ни к чему. Но разве я не прав был десять лет назад, когда говорил тебе — оставь политику?... Сеятель сеет, а всходы гибнут на корню. Владимир Войнович хотел на трибуну выйти. Усомнился в таланте, Робеспьер... Пока был жив Твардовский и «Новый мир», дыхание теплилось. Но теперь пора осесть, взять перо

и до упаду сидеть за столом. Перо — вот оружие на Руси, в любую погоду.

Он рассказал о премьерке в Ленинграде и о старшем Товстоногове:

— Живет без партбилета, а дело делает и врачует, врачует... А у нас в Иркутске, не поверишь... Как бы ты поступил, Боря, сейчас? Ты старой закалки экстремист. Как бы ты поступил раньше, я знаю. А нынче?... У нас там сущее столпотворение! Все борцы, и меня в рекруты зовут. Женя Суворов — ему бы истину одну уяснить и писать. А он — в суе, до сорока лет.

Чем дальше и горячее он говорит, тем больше раздумье овладевает мной.

— Ты не думай, — сказал Вампилов, — я не хочу уезжать из Иркутска. Мне Ленинград предложили, с хатой. Но это чужой город. Рубцова знаешь? Он жил в Вологде. Сумел бы он сохранить себя в Москве?

— Но он не сохранил себя и в Вологде, — сказал я банальную истину. Вампилов вздохнул.

— Однажды мы с Петькой Пиницей, — вдруг вспомнил он, — Петька приезжал в Иркутск — шли мимо твоего дома. И сын твой стоял в окне... Тебе надо вернуться в Иркутск.

Меня ранил этот зрительный образ: сын мой Андрей в окне...

Тут телефонный звонок заставил его собираться в театр на переговоры. Мы вышли в полусумрак улочки, где стоит «Будапешт», потом выбрались на широкий проспект и — расстались.

В июле мне удалось получить командировку в Сибирь. Я встретился с сыном; мы жили, как я и обещал ему, в палатке на берегу Иркутска, слушали ночные всхлипы парома. Шли нудные дожди, вода в реке прибывала, просветов в свинцовом небе не было... Мы удрали от дождей в город.

Вскоре вернулся с Байкала Вампилов. Мы пошли с Андреем к нему в гости.

Нас встретила Ольга, сильно возмужавшая женщина. Дочь Елена, раскосая и темнолицая (в отца), усадила нас в кресла. Мы недолго ждали Саню, он звонил в Москву, где уже шли репетиции. Вошел возбужденный и радостный, и мы, конечно, пошли искать вино. В магазинах действовал вечерний запрет, пришлось идти в кафе. Там давка. У стойки пьяные мужики выклянчивают водку. Чтобы не влезать в чудовищную толпу, мы попросили официантку, и она принесла нам бутылку шампанского.

Пока охотились за вином, мой Андрей, с разрешения Сани, рассматривал Сервантеса. Потом в доме погас свет, и тут между детьми была маленькая борьба. Лена, как шаманка, стала выкликать духов, пугать Андрея:

— Сейчас придет Бабай и схватит тебя... Сейчас придет Бабай...

Андрей темноты не боялся, но Еленино пугание его забавляло.

Ольга рассказала, как на Байкале хозяйский мальчик, вконец запуганный шаманством Елены, не спал ночами. Андрей подтвердил неожиданное дарование младшей Вампиловой, а Саня слушал эти байки с нескрываемым наслаждением.

— Отец, пришли мне «Дон Кихота», — попросил Андрей.

— А не рано? — Я посмотрел на Саню.

Тот сказал:

— Дон Кихот отговаривает сына читать Сервантеса. Себя стесняешься? Пусть почитает, как ты воевал с ветряными мельницами...

— Много лет назад я взял у тебя Гарсиа Лорку и не вернул, — вспомнил я. — Еще когда ты жил в Ново-Ленине.

— Я переболел Лоркой. Теперь я хочу садить огород.

— Мы решили купить дом в порту Байкал,— сказала Ольга.— Там одних дров на три года хватит. Но у нас не хватает денег, и можно опоздать — хозяин продаст дом.

— Деньги найдем,— сказал Вампилов,— огород будем садить.

Адриан Митрофанович Топоров просил меня передать письмо Валентину Распутину, но Распутин не было в Иркутске. Вампилов обещал передать письмо и спросил, как я познакомился с Топоровым.

Я рассказал.

— Мы с Валентином как-то читали его «Крестьяне о писателях». Гениальная книга. Язык первозданный.

Вампилов прочитал письмо (Адриан Митрофанович не стал, разумеется, запечатывать конверт).

— Ядовитый старик,— усмехнулся Вампилов.— Щедринской породы. «Честные писатели всегда на Руси бичевали злочинцев».

Потом он вдруг сказал, будто решившись:

— Меня сильно огорчил Слава Шугаев. Последняя моя пьеса¹ была снята с его помощью — может быть, косвенной... Антипин, как всегда, выступал дирижером, а Слава солистом. И рассказ Димы Сергеева выкинули. Я-то, ладно, переживу, но Дима заработал право печататься... Пусть румяный критик разложит на части рассказ, но — опубликованный уже. Конформист, сказал я Славе, конформист ты, Слава... Я понимаю, Мольер стелил Людовику постель, но «Тартюфа» до сих пор запрещают ставить на сцене. Некоторые же умудряются стелить постель и писать неправду. Хотят преуспеть там и тут... Но Шугаев просчитался. Ему лучше уехать из Иркутска.

Мы заговорили о Зилове². Я назвал его прекрасным человеком. Это удивило Вампилова и обрадовало.

— Некоторые считают его монстром.— Он взял с полки журнал «Театр».— Вот что пишет одна дама...

И прочитал отрывок, написанный в ослепленном состоянии,— Зилову отказывали в гражданстве. Мой спекулятивный ум и здесь подсказал «выход»:

— Все-таки это лучше, чем замалчивание творчества³.

— Лучше быть распятым, зато публично?.. А дама пишет: он злодей, он монстр... Потом, лет через сколько-то, поставят на сцене, и будут играть не нас, не Зилова, а злодейство, а?! Или этакого Хлестакова закрутят,— размышлял он вслух.

Более всего меня тогда поразило, что Вампилов отстранялся от своего детища и понимал: те, кто будет ставить, играть, «закручивать Хлестакова», — они все это будут делать самоуправно, игнорируя многозначность героя и сложную позицию автора. Может быть, после него, когда автор уже не сумеет вмешаться...

— Я встретил недавно бывшую свою жену. Не задалась жизнь. Разошлась с мужем. Ребенок без отца... Прекрасная женщина — и не везет. Бьется как рыба об лед.

Сейчас, когда я пишу эти строки, последние слова, сказанные вне связи с общим ходом разговора,

выступающие из него как алогичность, прочитываются по-новому.

Безмерная вампиловская доброта видна в его отзывах о товарищах, которые работали рядом с ним менее успешно, в меру отпущенного таланта.

— Как живет Петр Иванович Реутский? Пьет вино и пишет стихи. Хороший он человек, мы его любим... Сергей Иоффе? Поэма «Командир» была недурственным началом, а потом суета одолела Сергея... Надо работать, он еще может отвоевать пласт.

После узнаю в Москве: Вампилов беседовал с Анатолием Жигулиным, упрощая того облегчить прием Иоффе в Союз писателей.

«Национальный вопрос».

— Актер в Ленинградском драматическом подходит ко мне: «Ты еврей?» «Да, если угодно, я еврей, только бурят, монгол». «А почему они говорят о тебе: он наш?» «Кто они?» «Кто? Еврей!» «Это для меня тайна. Пожалуй, я больше монгол, чем еврей». Успокоился парень, в «Старшем сыне» играл удачно... Во что творится в столицах! Узнали, что Роцин с примесью еврейской крови — все, плохой писатель и человек Роцин. А татарская кровь позволительна. Но кто по национальности Зилов? Помесь. Плебей с достоинством. Славянофилам новоявленным это не понравится, но что я могу поделаться...

Обо мне:

— Я думаю, как лучше устроить твоё возвращение... Вот придем мы к Антипину, а он не в духе или делает вид, что не в духе. И говорит: «Нечего ему делать в Иркутске». Мы говорим: «Есть». «Ну, так вы и приглашайте его. А я ни при чем». А может и по-другому решить: блудный сын все равно возвращается домой!.. Надо прикинуться, Боря, блудным сыном. А Евстафия нарядить отцом... Постель для начала постелив. Что делать, иногда приходится стелить постель. Или поставить в условия свершившегося факта — ты вернулся. И затем строить мосты... За стол мы тебя посадим. Это все чушь — ты не Толстой. Ты Черных. Твоей жизни десятерым хватит. У тебя опыт, его надо записать, на серой бумаге стройно и последовательно изложить...

Долг исполнен. Главное совершено. Эта мысль пришла ко мне после прочтения «Утиной охоты», более чем за год до трагедии на Байкале...

Догадывались ли современники, с кем они рядом жили, курили свои сигареты, пили пиво и соки? Оберегали ли они Дарование, Талант?

Двадцать седьмого марта 1973 года в газете «Советская культура» появилась статья Е. Антипина, секретаря Иркутского обкома партии по идеологии: «Третий сезон не сходят с афиш пьесы безвременно ушедшего из жизни одаренного драматурга А. Вампилова «Прощание в июне» и «Старший сын»...»

Провинциальный Бенкендорф, небесталанно игравший свою охранительную роль при сибирской литературе, продолжает фарисействовать. Антипину история тоже дала право быть современником художника — с первых шагов и до последнего мгновения он был черной тенью, неусыпно сопровождавшей Вампилова. Это его стараниями снимались с газетных и журнальных полос вампиловские пьесы; это его указующий перст не давал Вампилову многие годы пробиться на сцену в родном городе. Это Антипину принадлежит последний укол в сердце, которое разорвалось в байкальских водах... Пусть говорят иные об эпохе, микроклимате. Но существует и персональная ответственность заплечных дел мастеров, кои преуспели в своем ремесле...

1973 год

¹ «Прошлым летом в Чулимске».

² Герой пьесы «Утиная охота». — Ред.

³ Я помню, в Москве он говорил о глухой стене молчания, которая сопровождала его ленинградский успех.